

УДК 81-119

DOI: 10.17223/19986645/46/4

В.В. Ощепкова, О.В. Николаева

ЭКОСРЕДА КАК ИСТОЧНИК СИМВОЛОПОРОЖДЕНИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ АВСТРАЛИИ И НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

В статье рассматриваются когнитивные и лексико-типологические аспекты формирования национальной символики в лингвокультурах Австралии и Новой Зеландии. Закономерности, выявленные в результате анализа более двухсот символов, сложившихся на основе концептов экосреды, убеждают в сходстве когнитивных процедур симвообразования мигрантских сообществ, свидетельствуют о существовании взаимозависимости между эволюцией этнической идентичности британских переселенцев и становлением общенациональной идентичности.

Ключевые слова: экосреда, символ, симвообразование, национальная идентичность, этносимволизм, когнитивная деривация, австралийский вариант английского языка, новозеландский вариант английского языка.

В центре настоящего исследования находятся когнитивно-семиотические процессы симвообразования в лингвокультурах Австралии и Новой Зеландии. Обе культуры – мигрантские, с относительно недлительной историей – предоставляют уникальную возможность выявить типологические закономерности симвообразования и на материале символов проследить процессы становления национальной идентичности. Симвообразование мы определяем как способ истолкования окружающей действительности и осознанное, опосредованное системой ценностей означивание результатов познания. Закрепление символического содержания за многочисленными концептами флоры и фауны позволяет установить особенности когнитивной деятельности мигрантских сообществ Австралии и Новой Зеландии в процессе освоения ими окружающего мира и осознания себя в этом мире. Для исследования отобрано более двухсот наименований символов из лексикографических, масс- и социомедийных источников Новой Зеландии и Австралии на основе актуализации в их значении признака принадлежности к флоре и фауне Новой Зеландии и Австралии и признака принадлежности к символам этих стран.

Исследование символов с точки зрения отражения в них этнической эволюции и становления национальной идентичности представляет интерес для ученых разных областей: социологов, политологов, культурологов, лингвистов [1–6]. Особое внимание научного сообщества к данной проблеме вызвано предложенной Э. Смитом концепцией этносимволизма, постулирующей, что этнические символы, связь с территорией и чувство консолидации отражают историю и протонациональное самосознание и составляют основу формирования нации [7]. Критика данной концепции включает вопрос о том, насколько этносимволизм применим относительно разных регионов мира, поскольку автор приводит примеры из истории стран Европы и Америки [8]. Наша ра-

бота представляет пример иного региона и, таким образом, может быть востребована как развитие эмпирической базы этносимволизма. Следует подчеркнуть также, что в отличие от существующих работ [1–5] мы выделяем языковой аспект изучения этнических символов. Кроме того, мы определяем границы языкового материала символами, основанными на базе концептов живой природы. Единение с территорией, о которой говорит Э. Смит, исторически выражалось в единении с окружающей природой посредством ее символизации и передалось следующим поколениям, обеспечивая этнокультурную устойчивость коллективов.

Термины, отражающие тематику языкового материала настоящего исследования, требуют пояснения. Так, разнообразие биологических видов в их неразрывном единстве с конкретным ареалом распространения мы называем *экосредой*. В настоящем исследовании речь пойдет об экосреде Австралии и экосреде Новой Зеландии, т.е. об эндемичных биологических видах Австралии и Новой Зеландии, исторически представлявших естественную экологическую среду данных территорий. К ней не относятся завезенные виды (известно, например, что практически все виды млекопитающих были ввезены в Новую Зеландию европейцами). Используемое нами также понятие *биосфера* означает совокупность живых организмов безотносительно к ареалу.

Биоморфное кодирование: универсальный механизм, лингвокультурный результат

Несмотря на очевидность и разнообразие техноморфных способов концептуализации современной действительности (*financial leverage* / финансовые рычаги, *skyrocket prices* / взвинтить цены, *genetic engineering* / генная инженерия), языковая картина мира человечества остается традиционно биоморфной, т.е. основанной на когнитивной процедуре уподобления многих предметов и явлений биологическим объектам. Разные виды научной и практической деятельности по-прежнему осмысляются человеком посредством образов живой природы и именно так отражаются в языке: *transplantation* – пересадка (медицинский термин), *koala* – машина с дипломатическим номером, которой разрешается нарушать правила дорожного движения (австралийский вариант английского языка), *Beeline* – российская торговая марка телекоммуникационной компании.

Естественная экологическая среда человека служит неисчерпаемым ресурсом многочисленных и весьма разнообразных областей концептуализации. Одни из них формируются при непосредственной концептуализации человеческого опыта во взаимодействии с окружающей природой, например концептуальные области «флора» и «фауна». Другие являются производными от них и возникают в результате вторичных когнитивных операций, например фрагменты техносферы: *butterfly valve* / клапан «бабочка», *Fuchsschwanz* (нем.) / пила «лисий хвост», ножовка; психосферы: *chicken-hearted* / заячья душа; цветосферы: *lilac* / сиреневый; компьютерной и IT-сферы: *bug* / жучок, *mouse* / мышь, *virus* / вирус.

Формирование новых структур знания на основе уже существующих и поименованных рассматривается в рамках когнитивного подхода как процесс концептуальной деривации [9. С. 86]. Теория концептуальной деривации сегодня динамично развивается и применяется в целях углубленного анализа

словообразовательных процедур, номинативных процессов, механизмов семантической деривации и полисемии, лексикализации грамматических форм [10–14]. Методология концептуальной деривации сложилась на основе таких категорий когнитивной парадигмы, как фигура – фон, база – профиль, скрипт, фреймовая репрезентация знания и др. Нам представляется целесообразным подход, согласно которому исходный концепт или концептуальная область может рассматриваться как «база», имплицитующая некоторое множество «профилей», потенциально способных стать самостоятельными концептами или самостоятельными концептуальными областями.

В настоящем исследовании «базой» является система концептов естественной экосреды. Семантико-тематическое членение словарных составов языков свидетельствует, что механизм концептуальной деривации на «базе» образов экосреды универсален. В то же время выделяемые разными лингвокультурными коллективами «профили», или конкретные результаты концептуальной деривации, отраженные в лексических системах разных языков, могут быть как универсальными, так и культурно-специфичными.

Продуктом концептуальной деривации с отчетливой лингвокультурной спецификой можно считать образованные от концептов экосреды национальные символы: *kiwi*, *silver fernleaf* – символы Новой Зеландии, *kangaroo*, *wattle* – символы Австралии; *beaver*, *maple leaf* – символы Канады. При изучении биоморфной символики методологические принципы теории концептуальной деривации предоставляют широкие объяснительные возможности. Далеко не всегда возникновение нового символа можно проследить с точки зрения уже хорошо изученных процессов семантической деривации. Механизмы семантической деривации, например, не способны объяснить предпочтения языкового коллектива относительно потенциальных номинантов на роль национальных символов из числа концептов экосреды. А между тем обширный сегмент национальной символики практически любого общества может быть представлен как биосфера, переработанная аксиологически направленной мыслью человеческого коллектива. Именно в недрах национальной аксиологии кроются многие причины концептуальной деривации, ведущие к образованию культурно-специфических символов.

Концептуальная деривация, по Н.Н. Болдыреву, основывается на особой интерпретации исходного вербализованного знания, в результате которой появляются новые смыслы [15. С. 47]. Вероятно, символические смыслы возникают на основе предельного аксиологического насыщения концепта на момент символизации. Так, слово *kiwi* в новозеландском варианте английского языка употребляется в целом ряде смыслов, за каждым из которых стоит отдельный концепт: исконная новозеландская птица, новозеландец, новозеландский доллар, символ Новой Зеландии. Исходный концепт *kiwi* (птица-эндемик Новой Зеландии) на определенном этапе был востребован как «база» для «профилирования» новых аксиологических доминант своего времени (ценность эндемичного, исконного) и получил дальнейшее «профильное» аксиологическое осмысление, достигшее своего апогея в статусе символа: «*Kiwi is a significant national icon, equally cherished by all cultures in New Zealand*» [16] (Птица киви – признанный национальный символ, к которому

одинаково заботливо относятся представители всех культур новозеландского общества – перевод авторов).

Биоморфная символика представляет универсальный механизм симвоолообразования и в то же время демонстрирует в действии его культурно-специфичный результат, обусловленный системой ценностных доминант лингвокультурного коллектива.

Закономерности символопорождения в мигрантских суперстратных лингвокультурах Австралии и Новой Зеландии

Плодотворный период символопорождения – аксиологически насыщенная эпоха поиска национальной идеи, эпоха становления, развития или смены национальной идентичности. В такой период национально-культурная символосфера может значительно пополняться или обновляться за счет вытеснения одних элементов другими.

Символосферы сравнительно молодых австралийской и новозеландской лингвокультур представляют особый интерес для изучения типологических закономерностей символообразования. Обе лингвокультуры сформировались на основе суперстратных мигрантских лингвокультур и субстратных лингвокультур коренного населения. Закономерности символопорождения в мигрантских суперстратных лингвокультурах Австралии и Новой Зеландии включают интенсивность процесса сложения символов на базе концептов экосреды, результатом которого явилось формирование свыше ста таких символов в каждой лингвокультуре в течение ста пятидесяти – двухсот лет. Другая закономерность связана с отражением в символах структуры и содержания менявшейся на протяжении данного периода идентичности.

Выявление этих закономерностей убеждает в сходстве когнитивных процессов символообразования суперстратных мигрантских сообществ, что обусловлено, в свою очередь, сходством эволюции этнической идентичности мигрантов и истории становления национальной идентичности. В символах можно обнаружить разновременные срезы развития общества и доминирующие на каждом историческом этапе ценности.

Структура национальной идентичности австралийцев и новозеландцев сложна и многослойна. Первоначально она складывалась в сознании европейских переселенцев преимущественно британского происхождения, которые уже не были британцами в полном смысле слова, но еще долго не отождествляли себя с новой родиной.

С одной стороны, им было свойственно мифологизировать и идеализировать все, что связывало их с матерью-Британией, с другой – находить новые символы для укоренения на новой территории, самоутверждения на ней и обретения права считаться коренным населением. Этим историческим этапом можно объяснить причины формирования такой символики, которая «соединяла» в сознании людей природу далекой Британии и природу, окружающую их в повседневной жизни. Концепты местной экосреды встраивались в картину мира европейцев посредством перцептивного соотношения экзотического растительного и животного мира с известными категориями: *кедр, орхидея, лилия, роза, дуб* и др. *Роза* к тому же воспринималась британскими переселенцами и как символ Англии, *дуб* – как один из символов Британии. При этом принадлежность к виду зачастую определялась с «наивной», а не с на-

учной точки зрения. Так, например, растение *Mount Cook lily* в середине XIX в. было названо *лилией*, но относится к семейству лютиковых.

Знакомые виды служили когнитивной базой, а профиль новых видов зачастую вычерчивали топонимы. В результате возникали и соответствующие наименования «с подтекстом», которые сформировали в сознании переселенцев иллюзорно-похожий мир: *New Zealand cedar*, *Cooktown orchid*, *Mount Cook lily*, *Sturt's desert rose*, *Australian oak*.

Люди постигали новое через известное, закрепляя и то и другое в символах, поэтому такие символы представляют сплав разных «Я-категорий», характерных для мигрантских сообществ: «Я, отождествленное с исторической родиной» и «Я, осознанное на новой земле».

К этому же типу относятся символы, образованные от тех концептов экосреды, которые были поименованы посредством слов *king* или *royal*: *King parrot*, *Royal bluebell*. Возможно, что символизации таких видов способствовала закрепленная в названии аллюзия на монархию, а не только исконность самого вида, чем достигалась «двуслойная» аксиология приобщения одновременно к новой и исторической родине. Подчеркнем, что ценность исторической родины навсегда сохранилась в сознании новозеландцев и австралийцев, и такие символы формируются и в более поздние периоды. Так, *Royal bluebell* (королевский колокольчик) впервые был назван флористическим символом Австралийской столичной территории в 1982 г.: «On 26 May 1982 the Hon. Michael Hodgman, the Minister for the Capital Territory, announced the Royal Bluebell as the floral emblem of the Australian Capital Territory» [17] (26 мая 1982 г. почтенный Майкл Ходжман, министр Столичной территории, объявил королевский колокольчик флористической эмблемой Австралийской столичной территории – перевод авторов).

Другие группы австралийских и новозеландских символов отражают социальные ценности постколониального общества, стремление создать инструменты воспроизводства уже сложившейся постбританской идентичности. Потребностью гражданского общества стало формирование новой, независимой от метрополии символики как средства поддержания национальных ценностей, воспитания патриотизма и единства нации. При этом особое значение приобретают идея уникальности исконной флоры и фауны, необходимость ее сохранения и защиты. Сохранение природы видится сквозь такие символы, как сохранение национальной идентичности, и сама исконная природа символизирует исконность и уникальность культуры и нации.

Эндемичная, исчезающая, охраняемая государством флора и фауна стали основным претендентом на роль национальных символов: *wombat* (вид сумчатых в Австралии), *tuatara* (вид рептилии в Новой Зеландии). Получает распространение приобщение к символам экосреды аборигенных народов. Так, *Tane* (бог лесов и всего живого в мифологии маори) стал символом исконной новозеландской флоры. Растения вообще могут именоваться *green children of Tane* («дети бога Тане»), а старейшее дерево Новой Зеландии получило персональное имя *Tane Mahuta*: «Tane Mahuta (kauri) stands as one of the most powerful symbols of our heritage» [18] (Тане Махута (вечнозеленое дерево каури) является одним из мощнейших символов нашего наследия – перевод авторов).

Символы коренного населения при этом нередко получали дополнительное содержание в общенациональных культурах. Так, в культуре маори есть поверье, что через корни дерева *pohutukawa* (похутукава) души умерших отправлялись на родину всех полинезийцев Хавайки. Однако этот сакральный для маори символ наполнился и новым содержанием в национальной новозеландской культуре, став символом христианского Рождества: «The blazing red flowers of pohutukawa around Christmas time have earned this tree the title of New Zealand's Christmas tree» [19] (Благодаря ярко-красным цветам, которые распускаются как раз в Рождественский сезон, дерево похутукава обрело титул новозеландского *рождественского дерева* – перевод авторов).

Заметным явлением среди наименований австралийской и новозеландской символики становятся заимствования из языков коренного населения Новой Зеландии маори и аборигенов Австралии: *nikau* (новозеландская пальма), *tui* (новозеландская птица туи), *waratah* (кустарник или небольшое дерево), *koala* (коала), *dingo* (австралийская дикая собака), *wallaby* (разновидность кенгуру), *wombat* (вombat).

Сплочение нации происходит посредством отождествления всех этносов с исконной природой общей родины и ее символизацией. Вокруг символов концентрируются многие культурные события. Единство природы и общества прославляется в дни посвященных таким символам праздников, например австралийского праздника *Shearwater Festival* (Фестиваль буревестника): «The short-tailed shearwaters are celebrated as symbols of creative, cultural and environmental interconnectedness» [20] (Короткохвостовый буревестник прославляют как символ единства культуры, творчества и природы – перевод авторов).

Таким образом, в символах имплицитно сложна структура национальной идентичности австралийцев и новозеландцев. Доминирующее на каждом историческом этапе отношение общества к окружающей природе характеризует преобладающий социокультурный тип, который играет роль «необъективного», «предвзятого» интерпретатора образов экосреды, насыщает их свойственными ему аксиологическими посылами и генерирует особые типы символов.

Новозеландские и австралийские символы запечатлели сходные социокультурные типы. На основе проведенного исследования мы разработали следующую их классификацию: *индигенный тип* (indigenous type), к которому относятся *полинезийский тип* (Polynesian type) в Новой Зеландии и *аборигенный тип* (Aboriginal type) в Австралии, отразившие в символике этап мифологизации окружающей природы (*pohutukawa*, *tuatara*, *lizard* или *goanna*). Индигенные типы представляют субстратные лингвокультуры и их символы.

Неиндигенный тип (non-indigenous type) демонстрирует в символике эволюцию этнической идентичности британских поселенцев: *британский тип* (British type) → *колониальный тип* (colonial type) → *постколониальный тип* (post-colonial type). Неиндигенные типы являются представителями суперстратных лингвокультур. Среди порождаемых ими символов есть как самостоятельные, так и «накладывающие» дополнительное содержание на субстратные символы.

Австралийский (Australian type) и новозеландский (New Zealand type) типы формируют символы сложившихся наций. Данные социокультурные типы представляют лингвокультуры на стадии постсубстратно-суперстратных отношений.

Подчеркнем, что выделенные нами социокультурные типы и их характеристики дают возможность проследить типологические особенности развития австралийской и новозеландской идентичности.

Биоморфная символика как отражение современной австралийской и новозеландской национальной идентичности

Национальная идентичность знаменуется появлением общенациональных традиций, норм, ценностей и обязательно символов. М. Гейслер отмечает, что перед национальной символикой всегда ставится трудная задача – способствовать созданию нации: «...national symbols are charged with a difficult task of creating a nation» [21. P. XV]. Для этого этапа символообразования характерны целенаправленное «конструирование» и сознательный, «управляемый», подбор социально значимых символов, способных представить нацию, ее историю и настоящее в определенном ракурсе. В австралийской и новозеландской лингвокультурах огромная роль символического представления нации как в стране, так и за рубежом принадлежит концептам живой природы. Образы уникальной естественной экосреды являются источником неисчерпаемых импликаций и служат основой для порождения разных типов национальных символов: *географических, экономических, исторических, социальных, культурных, политических, спортивных.*

Так, образы исконного растительного и животного мира символизируют *административно-территориальную географию* Австралии и Новой Зеландии. Обе страны, их столицы, провинции и отдельные города ассоциируются с символами, образованными на основе концептов *исконной* флоры и фауны: «The gumea lily is an iconic Sydney wildflower» [22] (Лилия гимеа – символ исконной флоры Сиднея – перевод авторов).

Флористические и анималистические символы есть у каждого из шести штатов Австралии. Флористическим символом австралийского штата Новый Южный Уэльс является цветок *waratah* (варатта). Символ штата Западная Австралия – цветок *kangaroo paw* (*лапка кенгуру*, необычные цветы: на красном стебле зеленые цветы, по форме напоминающие лапу кенгуру). Официально признаны анималистические символы Австралии у штата Новый Южный Уэльс, например, это утконос (*platypus*) и птица хохотун-пересмешник кукабарра (*kookaburra*).

Административно-территориальные символы закрепляются официально, изображаются на гербе, почтовых марках и почетных знаках, выбираются обществом в процессе голосований и потому воплощают идеи государственности и единства общества и страны: «The Golden Wattle (*Acacia pycnantha*) is now the official floral emblem of Australia, wattle blossoms are to be found on the Australian Coat of Arms» [23] (золотистая акация является официальным символом Австралии, и ее цветы изображены на гербе – перевод авторов).

Многие национальные символы Австралии и Новой Зеландии отражают их *физическую географию*. Так, в символах воплотились идеи уникального австралийского и новозеландского ландшафта, побережья или типичной фло-

ры: «The sight and smell of eucalypts are a defining part of Australian life» [24] (Вид и запах эвкалипта – неотъемлемая часть жизни в Австралии – перевод авторов).

В ряде случаев при наиболее важных символах возникают «символы-спутники» в результате так называемой вторичной, или «цепочечной», символизации. Например, *Australian Bush* (австралийский буш) является символом особого австралийского ландшафта, а необычный вид кустарника *banksias* (банксия) стала символической характеристикой австралийского буша: «Come spring, the landscape erupts in a show of orange banksias» [25] (Приходит весна, и ландшафт «вспыхивает» от оранжевых цветов банксии – перевод авторов).

Следует особо подчеркнуть содержательную емкость символов, сформированных на основе концептов экосреды, в глубинах которых сокрыто историческое прошлое страны, передаваемое из поколения в поколение. Так, *австралийский буш* является не только символом австралийского ландшафта, но и символом *истории освоения страны*, символом *нелегкого труда и быта первых поселенцев*: «...values created in history by bushman and bushworkers remains till nowadays in minds and hearts of Australians» [26].

Символы создаются и распространяются намеренно, часто в туристической индустрии для повышения привлекательности рекламируемой местности. Так, австралийский попугай лори (*Australian lorikeet*) – символ курортного Золотого побережья (*Gold Coast*).

Значимые *социальные* приоритеты, например *идеи мира, процветания*, традиционно актуализируются через символы, основанные на концептах флоры и фауны. Символ Австралии *Golden Wattle* (золотистая акация) сопрягается и с национальным праздником *the Wattle Day* (День Акации), который отмечается 1 сентября в период цветения этого растения: «Wattle Day can symbolise virtually anything we want it to, but common sentiments relate to Spring, being Australian, the Australian environment, and history» [27] (День Акации может символизировать практически все, что мы в него вкладываем, но обычно он соотносится с празднованием весны, австралийской идентичности, природы и истории – перевод авторов).

Знаковые *политические* события Австралии и Новой Зеландии также выражаются при помощи образов флоры и фауны. Так, один из видов эвкалипта, двухсотлетнее дерево *ghost gum*, стал символом рождения лейбористской партии Австралии. У этого дерева в 1891 г. собрались стригали и объявили забастовку, повлекшую за собой значимые для страны последствия. Дерево получило название *Tree of Knowledge* (дерево знаний): «The Tree of Knowledge is a symbol of an important time in Australia's political development. The ghost gum was used by shearers as a meeting place during their unsuccessful strike in 1891» [24] (Дерево знаний – символ важных политических событий Австралии. Этот эвкалипт использовался стригалими для собраний во время неудачной забастовки в 1891 г. – перевод авторов).

Особенности психологии людей находят символическое воплощение через ассоциации с образами растений и животных. В Австралии мужество и силу символизирует австралийский дуб (*Australian oak*). Новозеландская пальма *nikau* символизирует умение приспосабливаться к разным условиям,

находчивость, изобретательность, что исторически связано с широким применением растения как коренным населением маори, так и первыми европейскими поселенцами: «Nikau palms have always had importance in Maori life. The leaves were used to thatch houses, to wrap food before cooking, and to weave into hats, mats, baskets, and leggings for travelling through rough undergrowth» [27] (Пальма никау всегда играла существенную роль в жизни маори. Листья использовали для покрытия крыш, для обертывания продуктов до их приготовления, их вплетали в головные уборы, настилы, корзины, а также гетры для путешествия по местам жесткого мелкокося – перевод авторов).

Итак, создание многих национальных символов на основе концептов экосреды – одна из закономерностей символопорождения в мигрантских культурах Австралии и Новой Зеландии. На фоне лингвокультурной специфики национальных символов прослеживаются когнитивные и лексикотипологические закономерности символопорождения суперстратных мигрантских сообществ. Анализ более двухсот символов двух лингвокультур выявил сходство когнитивных процедур символообразования в лингвокультурах Австралии и Новой Зеландии и связь символообразования с формированием национальной идентичности. Биоморфность австралийской и новозеландской симвоლოსфер символична сама по себе, поскольку отражает историю освоения окружающей природы, витальные ценности колониального периода и духовные искания людей, оказавшихся вдали от исторической родины.

Литература

1. Butz D.A. National Symbols as Agents of Psychological and Social Change // *Political Psychology*. 2009. Vol. 30 (5). P. 779–804.
2. Edensor T. National identity, popular culture and everyday life: Berg. 2002. 216 p.
3. Guibernau M. Anthony D. Smith on nations and national identity: a critical assessment // *Nations and Nationalism*. 2004. Vol. 10 (1/2). P. 125–141.
4. Hawkins S. National Symbols and National Identity: Currency and Constructing Cosmopolitans in Tunisia // *Identities. Global Studies in Culture and Power*. 2010. Vol. 17 (2/3). P. 228–254.
5. *Nationalism and Ethnosymbolism: History, Culture and Ethnicity in the Formation of Nations*. A.S. Leoussi, S. Grosby (eds.). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 352 p.
6. Николаева О.В. Куда дрейфует «Вака»? Новозеландская мульти- лингвокультура в динамике взаимодействия картин мира. Владивосток: Изд-во Морского гос. ун-та, 2010. 437 с.
7. Smith A.D. *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. N.Y.: Routledge, 2009. 184 p.
8. Белов М.В., Кузнецова С.В. Рецензия на кн.: Smith A.D. *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach* // Читай книги. [Электронный ресурс]. URL: http://roii.ru/dialogue/38/roii-dialogue-38_22.pdf (дата обращения: 14.12.2016).
9. Бабина Л.В. Проблема концептуальной деривации // *Вопр. когнитивной лингвистики*. 2007. Вып. 4. (013). С. 86–91.
10. Бабина Л.В. Модели концептуальной деривации (на примере сложных слов N+N) // *Альманах современной науки и образования*. Тамбов, 2009. № 2 (21), ч. 1. С. 16–18.
11. Балакин С.В. Деривационный потенциал концептуальной системы языка: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2016.
12. Жаботинская С.А. Лингвокогнитивный подход к анализу номинативных процессов // *Вісник Хмельницького національного університету*. 2010. Вып. 928. С. 6–20.
13. Резниченко Л.В. Концептуальная деривация как основа формирования значений субстантивированных имен прилагательных // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина*. 2012. Вып. 2, т. 1. С. 146–154.

14. *Шемаева Е.В.* Концептуальная деривация как когнитивная основа семантики лексикализованных форм множественного числа имени существительного // Изв. Саратов. гос. ун-та. Новая серия. 2013. Т. 13. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 11–14.

15. *Болдырев Н.Н.* Оценочная метареферентация: проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. Вып. 5: Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. Москва; Тамбов, 2009. С. 43–51.

16. *Facts and threats to kiwi.* Department of Conservation of New Zealand govt. nz. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doc.govt.nz/nature/native-animals/birds/birds-a-z/kiwi/facts> (дата обращения: 13.10.2016).

17. *Royal Bluebell.* aussie-info.com [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aussie-info.com/identity/flora/bluebell.php> (дата обращения: 29.07.2016).

18. *Stuff:* New Zealand News and Information Website. Jan. 28, 2009. / Fairfax Digital [Электронный ресурс]. URL: www.stuff.co.nz. <http://www.stuff.co.nz/waikato-times/news/environment/812463/Call-to-halt-kauri-rot> (дата обращения: 06.02.2016).

19. *Pohutukawa.* Department of Conservation of New Zealand govt. nz. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doc.govt.nz/nature/native-plants/pohutukawa> (дата обращения: 06.10.2016).

20. *Biyadin:* Shearwater Festival 2014 // Victorian Aboriginal Corporation for Language. 28 August 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vaclang.org.au/tag/festival.html> (дата обращения: 15.10.2016).

21. *Geisler M.E.* Introduction: What are National Symbols and What Do They Do to Us // National Symbols, Fractured Identities: Contesting the National Narrative / Ed. by M.E. Geisler. Middlebury College Press. 2005. P. XIII–XLII.

22. *Lynette Weir* [Электронный ресурс]. URL: <https://lynetteweir.com/project/gymea-lily-wildflowers> (дата обращения: 29.07.2016).

23. *Wattles in Australia* // WorldWideWattle ver. 2 // The Department of Parks and Wildlife of Western Australia. [Электронный ресурс]. URL: <http://worldwidewattle.com/schools/australia.php> (дата обращения: 29.07.2016).

24. *Eucalypts* // Australia government. australia.gov.au [Электронный ресурс]. URL: <http://www.australia.gov.au/about-australia/australian-story/eucalypts> (дата обращения: 29.07.2016).

25. *Australian* (The). Australian Daily Newspaper [Электронный ресурс]. URL: March 01, 2010. <http://www.theaustralian.com.au/life/weekend-australian-magazine/hit-the-road/story-e6fig8h6-1225835607585> (дата обращения: 29.07.2016).

26. *Halaszova V.* The Australian Bush as a Symbol in Historical and Contemporary Australia: Theses [Электронный ресурс]. URL: <https://theses.cz/id/yemavp/?url=%2Fid%2Fyemavp%2F;so=nx;lang=en> (дата обращения: 13.10.2016).

27. *Nikau Palm.* Department of Conservation of New Zealand govt. nz [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doc.govt.nz/conservation/native-plants/nikau-palm> (дата обращения: 29.07.2016).

ECOSYSTEM AS A SOURCE OF NATIONAL SYMBOLS: INSIGHT INTO AUSTRALIAN AND NEW ZEALAND CULTURES AND LANGUAGES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 46. 43–54. DOI: 10.17223/19986645/46/4

Victoria V. Oschepkova, Moscow Region State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: oschep2014@yandex.ru

Olga V. Nikolaeva, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: onikolaeva2009@yandex.ru

Keywords: ecosystem, symbol, symbol creation, national identity, ethno-symbolism, cognitive derivation, Australian English, New Zealand English.

The article is devoted to the cognitive and lexical-typological aspects of Australian and New Zealand national symbols. Both Australia and New Zealand are relatively young migrant cultures which present a unique possibility of discovering connection between symbol creation and formation of nationalities. The research was done within the framework of the ethno-symbolic approach developed by Anthony D. Smith who states that ethnic symbols represent the origins of nations and the pre-modern form of national identity. This work contributes to the development of the interdisciplinary theory and the empirical basis of ethno-symbolism.

The regularities discovered through the analysis of more than two hundred Australian and New Zealand symbols which were created on the basis of the ecosystem proved similarity of cognitive procedures of symbolization in migrant cultures of Australia and New Zealand. Australian and New Zealand symbols demonstrated interdependence between the evolution of British migrants' ethnic identity and the formation of Australian and New Zealand national identities.

Biomorphic national symbols of Australia and New Zealand are culturally-specific: kiwi, silver fernleaf (in New Zealand), kangaroo, wattle (in Australia). But at the same time they are informative for the identification of common features of symbol creation in both cultures. The whole set of national symbols of Australia and New Zealand point at a multi-layered national identity, which in both countries comprises similar socio-cultural types, domineering at different historical periods. Their symbols are indicative of people's attitude to nature and their basic values.

Among the socio-cultural types which are singled out within both Australian and New Zealand national identities are the following:

- indigenous type (Polynesian type in New Zealand and Aboriginal type in Australia), which produced symbols based on mythological cognition (pohutukawa, lizards);
- non-indigenous type (British type + colonial type + post-colonial type), whose symbols reflect the evolution of British ethnic identity;
- national Australian / New Zealand type, which generates symbols of independent nations.

The biomorphic character of national symbols of Australia and New Zealand is symbolic as it reflects the history of exploring the harsh natural environment, the vital values of the colonial period and the spiritual association of migrants both with their old and new homelands.

References

1. Butz, D.A. (2009) National Symbols as Agents of Psychological and Social Change. *Political Psychology*. Vol. 30 (5). pp. 779–804.
2. Edensor, T. (2002) *National identity, popular culture and everyday life*. Berg Publishers.
3. Guibernau, M. (2004) Anthony D. Smith on nations and national identity: a critical assessment. *Nations and Nationalism*. 10 (1/2). pp. 125–141.
4. Hawkins, S. (2010) National Symbols and National Identity: Currency and Constructing Cosmopolitans in Tunisia. *Identities. Global Studies in Culture and Power*. 17 (2/3). pp. 228–254.
5. Leoussi, A.S. & Grosby, S. (eds) (2007) *Nationalism and Ethnosymbolism: History, Culture and Ethnicity in the Formation of Nations*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
6. Nikolaeva, O.V. (2010) *Kuda dreyfuet "Waka"?: Novozelandskaya mul'ti- lingvokul'tura v dinamike vzaimodeystviya kartin mira* [Where does the "Waka" drift?: New Zealand multilingual culture in the dynamics of interaction of the world pictures]. Vladivostok: Maritime State University.
7. Smith, A.D. (2009) *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. New York: Routledge.
8. Belov, M.V. & Kuznetsova, S.V. (2009) *Book Review: Smith, A.D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. [Online] Available from: http://roii.ru/dialogue/38/roii-dialogue-38_22.pdf. (Accessed: 14th December 2016). (In Russian)
9. Babina, L.V. (2007) Problema kontseptual'noy derivatsii [The problem of conceptual derivation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 4(013). pp. 86–91.
10. Babina, L.V. (2009) Modeli kontseptual'noy derivatsii (na primere slozhnykh slov N+N) [Models of conceptual derivation (on the example of compound N+N words)]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2 (21):1. pp. 16–18.
11. Balakin, S.V. (2016) *Derivatsionnyy potentsial kontseptual'noy sistemy yazyka* [Derivational potential of the conceptual system of language]. Philology Dr. Diss. Chelyabinsk.
12. Zhabotinskaya, S.A. (2010) Lingvokognitivnyy podkhod k analizu nominativnykh protsessov [Linguocognitive approach to the analysis of nominative processes]. *Visnik Khmel'nits'kogo natsional'nogo universitetu*. 928. pp. 6–20.
13. Reznichenko, L.V. (2012) Kontseptual'naya derivatsiya kak osnova formirovaniya znacheniy substantivirovannykh imen prilagatel'nykh [Conceptual derivation as the basis for the formation of meanings of substantivized adjectives]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2:1. pp. 146–154.
14. Shemaeva, E.V. (2013) Kontseptual'naya derivatsiya kak kognitivnaya osnova semantiki leksikalizovannykh form mnozhestvennogo chisla imeni sushchestvitel'nogo [Conceptual derivation as

the cognitive basis of the semantics of lexicalized plural forms of the noun]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya*. 13:1. pp. 11–14.

15. Boldyrev, N.N. (2009) Otsenchnaya metareprezentatsiya : problemy izucheniya i opisaniya [Evaluative metarepresentation: problems of study and description]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. V. pp. 43–51.

16. Department of Conservation of New Zealand. (n.d.) *Facts and threats to kiwi*. [Online] Available from: <http://www.doc.govt.nz/nature/native-animals/birds/birds-a-z/kiwi/facts>. (Accessed: 13th October 2016).

17. Aussie-info.com. (n.d.) *Royal Bluebell*. [Online] Available from: <http://www.aussie-info.com/identity/flora/bluebell.php>. (Accessed: 29th July 2016).

18. Stuff: New Zealand News and Information Website. (2009) *Fairfax Digital*. January 28. [Online] Available from: <http://www.stuff.co.nz/waikato-times/news/environment/812463/Call-to-halt-kauri-rot>. (Accessed: 06th February 2016).

19. Department of Conservation of New Zealand. (n.d.) *Pohutukawa*. [Online] Available from: <http://www.doc.govt.nz/nature/native-plants/pohutukawa>. (Accessed: 06th October 2016).

20. Victorian Aboriginal Corporation for Language. (2014) *Biyadin: Shearwater Festival 2014*. 28 August. [Online] Available from: <http://www.vaclang.org.au/tag/festival.html>. (Accessed: 15th October 2016).

21. Geisler, M.E. (2005) Introduction: What are National Symbols and What Do They Do to Us. In: Geisler, M.E. (ed.) *National Symbols, Fractured Identities: Contesting the National Narrative*. Middlebury College Press.

22. Lynette Weir. (n.d.) *The Gynea Lily Wildflower*. [Online] Available from: <https://lynetteweir.com/project/gynea-lily-wildflowers>. (Accessed: 29th July 2016).

23. The Department of Parks and Wildlife of Western Australia. (n.d.) *Wattles in Australia*. WorldWideWattle ver. 2. [Online] Available from: <http://worldwidewattle.com/schools/australia.php>. (Accessed: 29th July 2016).

24. Australia Government. (2015) *Eucalypts*. [Online] Available from: <http://www.australia.gov.au/about-australia/australian-story/eucalypts>. (Accessed: 29th July 2016).

25. Australian (The). (2010) Hit the Road. [Online] Available from: <http://www.theaustralian.com.au/life/weekend-australian-magazine/hit-the-road/story-e6frg8h6-1225835607585>. (Accessed: 29th July 2016).

26. Halaszova, V. (2012) *The Australian Bush as a Symbol in Historical and Contemporary Australia: Theses*. [Online] Available from: <https://theses.cz/id/yemavp/?f=%2Fid%2Fyemavp%2F;so=nx;lang=en>. (Accessed: 13th October 2016).

27. Department of Conservation of New Zealand. (n.d.) *Nikau Palm*. [Online] Available from: <http://www.doc.govt.nz/conservation/native-plants/nikau-palm>. (Accessed: 29th July 2016).